

«Кто тогда не рассуждал?»

Розыскное дело Генриха Фика и междуцарствие 1730 г.

Яна Ларина

«Who was not arguing at that time?»

Heinrich Fick's investigation file and the history of the interregnum of 1730

Yana Larina (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Как известно, в 1730 г. в России была предпринята попытка ограничить самодержавную власть монарха¹. После скоропостижной смерти Петра II в ночь на 19 января мужская линия династии Романовых пресеклась и членам Верховного тайного совета предстояло решить, кто займёт престол. По предложению кн. Д.М. Голицына выбор был сделан в пользу вдовствующей герцогини курляндской Анны Иоанновны — дочери старшего брата Петра I. Предварительно ей пришлось подписать составленные верховниками «кондиции», существенно ограничивавшие её власть. Однако вскоре по прибытии из Митавы в Москву она отвергла эти условия и, опираясь на поддержку дворянства и гвардии, заявила о намерении править самодержавно.

Преследование лиц, сколько-нибудь причастных к составлению «кондиций» или уличённых в их одобрении, вылилось в серию крупных политических процессов и растянулось на несколько лет. Уже весной 1730 г. попали в опалу князь Долгорукие — Василий Лукич был отправлен в тюрьму на Соловки, а семью Алексея Григорьевича выслали в пензенскую деревню, а затем в Берёзов². 22 декабря 1731 г. состоялся суд над фельдмаршалом кн. В.В. Дол-

© 2017 г. Я.И. Ларина

¹Подробнее см.: *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880; *Богословский М.М.* Конституционное движение 1730 г. Изд. 2. Пг., 1918; *Милюков П.Н.* Верховники и шляхетство. Ростов н/Д, 1905; *Протасов Г.А.* «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Учёные записки Тамбовского педагогического института. Вып. 15. Тамбов, 1957. С. 215–231; *Протасов Г.А.* Верховный тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Вып. 1. Тамбов, 1970. С. 65–103; *Протасов Г.А.* Существовал ли «политический план» Д.М. Голицына? // Источниковедческие работы. Вып. 3. Тамбов, 1973. С. 90–107; *Петрухищев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001; *Анисимов Е.В.* Анна Иоанновна. М., 2002; *Анисимов Е.В.* Куда ж нам плыть? Россия после Петра Великого. М., 2009; *Курукин И.В.* Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003; *Курукин И.В., Плотников А.Б.* 19 января — 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010; *Польской С.В.* «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 г. // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX вв. Самара, 2001. С. 174–178; *Польской С.В.* Дворянский конституционализм в России XVIII — начала XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 27–42; *Киселёв М.А.* Междуцарствие 1730 г. в России: проблема формы и содержания политического кризиса // Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России. Материалы Первой международной научной конференции молодых русистов будапештского Центра Русистики (19–20 мая 2014 г.). Будапешт, 2015. С. 93–102.

²*Анисимов Е.В.* Куда ж нам плыть?... С. 546–547.

горуким — вынесенный ему смертный приговор императрица заменила заключением в Шлиссельбург. Вскоре последовал арест его племянника кн. Ю.В. Долгорукого и группы молодых гвардейских офицеров, предпочитавших видеть на троне Елизавету Петровну³, затем в ссылке оказались президент Адмиралтейств-коллегии адмирал П.И. Сиверс и подполковник лейб-гвардии Преображенского полка А.И. Румянцев⁴. В 1736 г. за незначительные служебные злоупотребления в Шлиссельбургскую крепость посадили кн. Д.М. Голицына, умершего там в 1737 г. В 1739 г. началось новое следствие по делам Долгоруких, в результате которого фаворит Петра II кн. И.А. Долгорукий и многие его родственники были казнены⁵.

Среди пострадавших в 1730-е гг. оказался и Генрих Фик, поступивший на русскую службу при Петре I и участвовавший в реформировании государственного управления. В 1717–1731 гг. он постепенно превратился из чиновника Камер-коллегии, жившего на казённой квартире, в вице-президента Коммерц-коллегии, статского советника с многочисленными связями в обществе, владельца обширных имений в Лифляндии и собственного каменного дома в престижном районе Петербурга⁶. Однако 1 марта 1731 г. он был арестован в Москве в доме своего зятя, секретаря Сената В. Шульца, у которого жил, приехав незадолго до этого из Петербурга. В январе 1732 г. Фика сослали в Сибирь, где ему пришлось провести 10 лет⁷.

Ещё П.П. Пекарский в очерке, посвящённом академику и «доктору прав» И.-С. Бекенштейну, рассматривал следствие по делу Фика как «случай, заслуживающий упоминания по отношению к русской истории»⁸. Он цитировал некоторые показания русских свидетелей, самого Фика, а также извлечения из приговора судебной комиссии, членом которой являлся Бекенштейн. Однако Пекарский располагал лишь незначительной частью следственных материалов

³ Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 63.

⁴ Анисимов Е.В. Куда ж нам плыть?... С. 547–548. Сенат приговорил Румянцева к смерти, Анна помиловала и направила в дальнюю деревню, откуда через несколько лет вызвала в Петербург, вернула чины и ордена, а впоследствии произвела в генерал-аншефы. О Сиверсе подробнее см.: *Eckardt J. Aus dem Leben des Admirals von Sivers // Jungrossisch und Altlivländisch. Leipzig. 1871. S. 328–343.*

⁵ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 214–215.

⁶ Подробнее см.: *Прокопенко Я.И.* Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII в. // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750).* М., 2013. С. 149–177; *Прокопенко Я.И.* «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.).* СПб., 2013. С. 323–337; *Ларина Я.И.* Осмысленные роли образования в государственном строительстве. Проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века // «Регулярная академия учреждена будет...». Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М., 2015. С. 70–98; *Ларина Я.И.* Двор на набережной. Политическая история одного петербургского дома первой трети XVIII века // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2015. № 1(136). С. 99–111.

⁷ *Ларина Я.И.* Двор на набережной... С. 107; *Ларина Я.И.* «Превратность счастья вельмож». Власть и личность в России первой половины XVIII в. // *Родина.* 2015. № 9. С. 98–101.

⁸ Сведения о причастности Фика к «затейке верховников» Пекарский черпал из мемуаров Х.-Г. Манштейна. «Генрих Фик, посланный Петром Великим в Швецию, чтобы добыл там известия по разным отраслям государственного управления, пристратился, как рассказывает Манштейн, к шведскому, почти республиканскому правлению, и после смерти императора Петра II вошёл тотчас в переписку с князем Дмитрием Михайловичем Голицыным относительно ограничения самодержавия в России» (*Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 200).

и поэтому пришёл к ошибочному заключению, будто показаний против Фика отобралось весьма немного⁹.

В 1871 г. общие сведения о биографии Фика изложил Ю. Эккардт, однако в его работе причудливо сочетались многочисленные неточности, касающиеся, в частности, места рождения, службы и т.п., фантастические анекдоты¹⁰ и выдержки из документов¹¹. Опираясь на свидетельства Х.-Г. Манштейна, саксонского посланника в России И. Лефорта и рижского советника Каспари, во время ареста Фика находившегося в Москве, Эккардт выстраивал явно надуманную, но ставшую затем традиционной причинно-следственную связь: Фик собирал документы о государственном устройстве Швеции, при составлении «кондиций» использовались шведские образцы, а «нам уже известно», что привёз их в Россию Фик, — следовательно, он участвовал в разработке «затейки» верховников. При этом никакими данными о ходе следствия по делу Фика Эккардт не располагал¹².

В фундаментальном исследовании Д.А. Корсакова о Фике упоминается лишь в связи с якобы имевшей место его «политической перепиской» с кн. Д.М. Голицыным, о которой сообщает только Манштейн (не приводя ни одного письма)¹³. Тем не менее, несмотря на отсутствие достоверных документальных свидетельств, Корсаков пишет про «близкие отношения» и совместную работу Фика с кн. Голицыным, а также о том, что «за имение у себя копий “кондиций” и за сочувствие голштинскому принцу гибнут вице-президент Коммерц-коллегии Фик и адмирал Сиверс: первый ссылается в Сибирь, а второй в свою деревню»¹⁴.

В 1883 г. был опубликован указ, направленный 3 мая 1731 г. Анной Иоанновной генералу П. Ласси: императрица требовала найти в Лифляндии некоего капитана Рихтера, который «в последнюю бытность свою в Петербурге очень прилежно посещал дом вице-президента Фика». Рихтера следовало допросить о том, что он слышал во время этих визитов, а именно «каким образом Фик выражался о самодержавии и о будущей форме правления и какия мнения или речи были высказываемы». У Анны Иоанновны имелись сведения, будто Фик «различныя и верному нашему подданному и чиновнику вел неподобающие речи, кои, между прочими, должен был слышать также и вышеназванный капитан Рихтер». В комментарии к указу кратко упоминалось о событиях 1730 г. и последовавших за ними опалах князей Долгоруких и Голицыных: «Начали допрашивать знакомых князя Василия Лукича (Долгорукого. — Я.Л.), в числе которых был и вице-президент Коммерц-коллегии фон Фик». Как отмечал публикатор, в день ареста на первом допросе «ответы Фика писал известный Ушаков, а Фик подписал по-немецки клятвенное утверждение, что он в этих проектах никакого участия ни письменного, ни устного не принимал». При этом говорилось: «Что отвечал Рихтер на допросе, произведенном ему в Риге по вышепроеписанному указу, неизвестно, но, конечно, он не мог не дать такого же ответа, как и Фик, по той простой причине, что и Фик, и Рихтер были слишком малозначительные люди, чтобы такие вельможи, какими были Долгорукие и Голицыны, могли входить в какие-либо прямые связи с ними и посвятить их в такие важные

⁹ Пекарский П.П. Указ. соч. С. 205–206.

¹⁰ Например, слухи о привычке одной из дочерей Фика выпивать такое количество чая, которое могло бы удовлетворить жажду 18 человек. Причём в этом рассказе Эккардт явно путает двух сестёр.

¹¹ Eckardt J. Heinrich Fick // Jungrossisch und Altlivländisch. Leipzig, 1871. S. 310–328.

¹² Ibid. S. 317.

¹³ Корсаков Д.А. Указ. соч. С. 38–39.

¹⁴ Там же. С. 300–301.

дела, как избрание государыни»¹⁵. Разумеется, комментарий к указу не подразумевал подробного изложения обстоятельств воцарения Анны Иоанновны. Поэтому неудивительно, что Фик характеризовался в нём как «малозначительная» фигура, «знакомый Василия Лукича», а его связи с верховниками освещались на основании мемуаров Манштейна. Более того, при комментировании не учитывалось, что Рихтер — один из многих свидетелей, а его допрос — часть большого подробного розыска, имевшиеся же обрывочные сведения не давали представления о ходе следствия.

П.Н. Милюков, опираясь на работы Д.А. Корсакова и Х. Иерне, проводившего текстуальные параллели между русскими документами 1730 г. и нормами, с 1720 г. ограничивавшими королевскую власть в Швеции, объявил уже «вполне несомненным» участие Фика в составлении «голицынского конституционного проекта»¹⁶. Павел Николаевич решительно утверждал, что к 1730 г. «выбор князя Голицына давно уже остановился на шведском устройстве», с которым он познакомился благодаря Фику, служившему под его началом в Камер-коллегии¹⁷. Естественно, и здесь не обошлось без мемуаров Манштейна с домыслами о «политическом обращении» Фика в Швеции. В воображении Милюкова вице-президент Коммерц-коллегии превращался чуть ли не в соавтора «кондиций», причём весьма самоуверенного, поскольку «возражений против своего проекта Голицына с Фиком, наверное, не предвидели»¹⁸.

В дальнейшем участие Фика в «затейке верховников» рассматривалось почти исключительно в связи с тем, использовались или нет при составлении «кондиций» шведские образцы. Если их использование признавалось, Фик становился «другом Василия Лукича» и конфиденнтом кн. Голицына, если же ставилось под сомнение или отрицалось, то возможность консультаций верховников с Фиком оценивалась скептически¹⁹. Как писал создатель первой научной биографии Г. Фика А.Р. Цедерберг, «если действительно удастся установить факт шведского влияния на конституционные проекты верховников, то можно предположить, что к этим проектам имел отношение Фик, входивший в окружение Д.М. Голицына». Однако Цедерберг констатировал, что «на основании доступных нам источников невозможно выяснить, принимал ли Фик какое-либо участие в составлении кондиций»²⁰. Критически относясь к данным источников и не зная о материалах следственного дела, он весьма осторожно высказывался о причинах ареста Фика и не был уверен в том, удастся ли их вообще установить²¹. Шведский историк К. Петерсон, исследовавший рецепцию опыта Швеции при проведении петровских реформ в России, также признавал: «Ясно, что Фик был в той или иной степени осведомлён о планах [Верховного тайного] совета, но какую именно роль в событиях 1730 г. он играл, остаётся неизвестным»²².

¹⁵ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV. Рига, 1883. С. 215–217. Данный указ Анны Иоанновны, ответ на него Ласси и копию текста расспросных речей Рихтера см. в следственном деле Фика: РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. 1, л. 170–172.

¹⁶ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 28.

¹⁷ Там же. С. 25–26.

¹⁸ Там же. С. 34.

¹⁹ Протасов Г.А. «Кондиции» 1730 г. ... С. 219; Протасов Г.А. Существовал ли «политический план» Д.М. Голицына? С. 90–107.

²⁰ Cederberg A.R. Heinrich Fick. Tartu/Dorpat, 1930. S. 78–79.

²¹ Ibid. S. 85–86.

²² Peterson C. Peter the Great's administrative and judicial reforms: Swedish antecedents and the process of reception. Lund, 1979. P. 79.

И.В. Курукин, проанализировав показания некоторых русских свидетелей и приговор судебной комиссии, пришёл к выводу, что она не нашла в деле Фика ничего, кроме «пустого болтания». Тем не менее самого Фика он всё же относит к «узкому кругу просвещённых дворян, подобных В.Н. Татищеву», которые могли сочинять и обсуждать «проекты»²³. Н.Н. Петрухинцев связывал дело Фика с процессами фельдмаршала кн. Долгорукого и адмирала Сиверса и обращал внимание на то, что во всех этих случаях роль доносителя и следователя играл Б.Х. Миних²⁴. Е.В. Анисимов также напоминал о судьбе Фика при характеристике деятельности Миниха²⁵. Впрочем, в новейших работах Фик по-прежнему остаётся «хорошим знакомым Д.М. Голицына»²⁶ и «теоретиком ограничения самодержавия»²⁷ или упоминается там, где речь идёт о шведском влиянии на проекты верховников²⁸. Подобные подходы не открывают перед исследователями новых перспектив.

Между тем историки осознают необходимость пересмотреть сложившиеся оценки и раскрыть политические представления и стремления действовавших в 1730 г. лиц и сил, привлекая малоизученные источники²⁹. Одним из них является следственное дело Фика, сохранившее отзвуки споров тех дней и до сих пор использовавшееся лишь фрагментарно³⁰. Оно не только позволяет лучше понять характер взаимоотношений Фика с верховниками, особенности восприятия им ситуации междоусобия и то, как роль вице-президента Коммерц-коллегии в событиях 1730 г. оценивалась современниками, но и передаёт настроения и слухи, распространённые тогда среди военных и гражданских чиновников обеих столиц (преимущественно из числа иностранцев).

«Дело розыскное о вице-президенте Фике и замыслах его ограничить самодержавие при вступлении на престол императрицы Анны» хранится в фонде «Уголовные дела по государственным преступлениям» Российского государственного архива древних актов и насчитывает более пятисот листов³¹. Лишь около 10% включённых в него текстов написаны на русском языке (большая часть их не относится ко времени следствия³²), остальные – на немецком³³. В деле находятся материалы проведённого под руководством Миниха предварительного следствия, переданные в Юстиц-коллегию эстляндских и ливонских дел (запись первого допроса Фика, два мемориала, собственноручно написанных им в Москве на имя Анны Иоанновны, бумаги и письма, изъятые при аресте³⁴, протоколы допросов 18 свидетелей и их письменные показания, экстракты и копии документов и проч.), «Регистр протоколов судебной комиссии Юстиц-коллегии эстляндских и ливонских дел по розыску о грубом преступлении бывшего вице-президента Фика против её

²³ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 192–194; Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014. С. 62.

²⁴ Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 57, 63.

²⁵ Анисимов Е.В. Куда ж нам плыть?... С. 378–379.

²⁶ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 192.

²⁷ Анисимов Е.В. Куда ж нам плыть?... С. 379.

²⁸ Польской С.В. «Шведский образец»... С. 176.

²⁹ Курукин И.В., Плотников А.Б. Указ. соч. С. 29–30.

³⁰ Курукин И.В. Анна Иоанновна. С. 62–63.

³¹ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. I–II. Ч. I насчитывает 313 листов, ч. II – 261 лист.

³² Например, дело 1748 г. о возвращении Фику конфискованного имения: РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. II, л. 209–251 об.

³³ На немецкий язык переводились и показания троих русских свидетелей.

³⁴ В основном это частные письма Фику и его родственникам из Стокгольма, Праги, Германии, а также из семейного имения Оберпален, преимущественно по хозяйственным и финансовым делам. В одном из них шурина Фика, проживавший в Стокгольме, просил дать рекомендации к влиятельным шведским политикам. См.: РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. I, л. 15–53.

императорского величества и государства с 30 декабря 1730 г. по 1732 г.» (фактически — пограничная роспись их содержания)³⁵, протоколы её заседаний и допросов Фика, текст вынесенного приговора, а также документы, касающиеся возвращения Фику конфискованного имения.

С 1 марта до конца декабря 1731 г. Фик содержался под стражей и допрашивался в Москве. Тем временем в Санкт-Петербурге уже 16 марта 1731 г. были допрошены в присутствии Миниха первые свидетели — почт-директор Ф. Аш³⁶, гофинтендант А. Кормейдон³⁷ и зять Фика ассессор Юстиц-коллегии Э.Й. фон Фитингоф³⁸. 17 марта, также при Минихе, дал показания И. Рудаковский³⁹. В тот же день, «против ответу коммерц коллегии ассессора Игнатия Рудаковского», допрашивался секретарь Коммерц-конторы Л. Малыгин⁴⁰. Кроме того, на допрос был вызван «обретающийся при Санкт-Петербурхе в канторе советник» Юстиц-коллегии П. Квашнин-Самарин (27 мая ему вновь пришлось свидетельствовать «против ответу в Юстиц-коллегии вице-президента Сигизмунда Адама фон Вульфа») ⁴¹. 22 марта в присутствии Миниха допросили секретаря Юстиц-коллегии И. фон Гагемейстера и майора Ингерманландского полка С. Каркеттеля, часто бывавшего в доме Фика и считавшегося женихом одной из его дочерей⁴².

Анна Иоанновна лично наблюдала за ходом следствия. Миних представлял ей экстракты показаний свидетелей. В апреле допросы не проводились (вероятно, императрица и её окружение были поглощены подготовкой к празднованию годовщины коронации, отмечавшейся 29 апреля). Уже в мае поступили показания капитана Я. Рихтера (бывшего женихом другой дочери Фика и часто посещавшего его дом), записанные 17–18 мая в Риге в присутствии П.П. Ласси и регирунсратов Фитингофа и Менгдена⁴³, и подполковника барона Г.И. Шлиппенбаха, допрошенного в Ревеле при губернаторе Ф. фон Левене⁴⁴. В Петербурге в присутствии Миниха допрашивались: 7 мая — контр-адмирал М.П. Госслер (с 1723 г. — член Адмиралтейств-коллегии, а в 1727–1731 гг. — директор Адмиралтейской конторы)⁴⁵, 21 мая — вице-президент Юстиц-коллегии С.А. фон Вольф⁴⁶ и учитель в его доме К. Медер⁴⁷, 22 мая — советник Камер-коллегии К. Глюк и Г.Г. Гребенер, служивший там же надзирателем сборов («*Der Accis-Controleur*»)⁴⁸, 25 мая — бывший камер-шрейбер И. Слотерман⁴⁹.

³⁵ Там же, л. 211–213.

³⁶ Там же, л. 58–61. В 1712–1724 гг. подполковник Ф. Аш служил секретарём Анны Иоанновны, а затем был переведён в столицу на должность почт-директора (*Курукин И.В.* Анна Иоанновна. С. 43).

³⁷ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. I, л. 67–70 об. С марта 1732 г. А. Кормейдон стал начальником Канцелярии от строений. В 1740 г., уже после его смерти, обнаружилось, что в течение нескольких лет он свободно распоряжался казёнными деньгами как своими собственными и даже раздавал их под проценты (*Курукин И.В.* Эпоха «дворских бурь»... С. 238, 255).

³⁸ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. I, л. 74–80 об. 22 и 23 марта его вновь допрашивали в присутствии Миниха. (Там же, л. 84–85 об., 86–88).

³⁹ Там же, л. 95–96 об.

⁴⁰ Там же, л. 97–98; *Серов Д.О.* Администрация Петра I. М., 2008. С. 55.

⁴¹ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. I, л. 89–91 об., 92–93.

⁴² Там же, л. 109–116 об., 102–105 об.

⁴³ Там же, л. 170–172.

⁴⁴ Там же, л. 173–174.

⁴⁵ Там же, л. 118–122 об.

⁴⁶ Там же, л. 124–134 об. О нём подробнее см.: *Серов Д.О.* «У сочинения Уложения российского с швецким быть...»: Уложенная комиссия 1720 года и её труды // Институты государства и права в их историческом развитии. М., 2012. С. 148; *Курукин И.В.* Бирон. М., 2006. С. 259.

⁴⁷ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. I, л. 142–146.

⁴⁸ Там же, л. 136–140 об., л. 148–152 об.

⁴⁹ Там же, л. 154–156 об.

Письменные ответы на полученные от Миниха запросы прислали 29 мая — адмирал П. Сиверс, а 2 июня — член Военной коллегии генерал-лейтенант К. Гохмут⁵⁰.

Допрашивались в основном родственники, частые гости и сослуживцы Фика, а также все, кого упоминали другие свидетели. Следствие входило в мельчайшие детали разговоров и слухов, задавая многочисленные уточняющие и наводящие вопросы (от 3 до 21). Прежде всего интересовались тем, от кого свидетель впервые услышал о кончине Петра II, воцарении Анны Иоанновны и предполагаемой перемене формы правления, кто и что именно говорил в обществе об этих событиях, в частности, не высказывался ли Фик об ограничении самодержавия и не одобрял ли его, не участвовал ли он в составлении соответствующих проектов и не вёл ли об этом переписку (в особенности — с кн. Д.М. Голицыным).

Судя по полученным показаниям, о кончине молодого монарха в Петербурге узнавали из различных источников. Так, почт-директору Ашу об этом сообщил Миних, велевший задерживать отправку почты, Фитингофу — шведский секретарь Морриан, а тому — купец, прибывший из Москвы и скупавший траурные принадлежности (по свидетельству гоф-интенданта Кормейдона, известие о смерти царя быстро распространилось среди торговавших данным товаром)⁵¹. Вице-президент Юстиц-коллегии Вольф вспоминал о настороживших всех караулах, выставленных на улицах⁵². О воцарении Анны Иоанновны, перемене формы правления и ограничении власти императрицы в Петербурге заговорили ещё до восстановления самодержавия, а по некоторым сведениям — и до приезда вдовствующей герцогини курляндской в Москву. О том, что она приняла некие ограничивающие её условия, в той или иной степени было осведомлено большинство свидетелей. Более того, в различных «компаниях» — у Фика, Сиверса, Морриана, Рихтера и его соседа Гагемейстера, за ужином и чаем, а также на почте и в коллегиях шло обсуждение неясной политической ситуации, в котором участвовали все — от адмиралов и генералов до лейтенантов, от вице-президентов коллегий до их домашних учителей. Согласно показаниям Каркеттеля, уже после восстановления самодержавия он упрекал Фика за «несвоевременные рассуждения в обществе» во время перемены формы правления, на что тот с искренним удивлением отвечал: «Кто тогда не рассуждал?»⁵³. Причём все опрошенные свидетели общались не только с Фиком, но и друг с другом, знали о разговорах и поведении третьих лиц. Одни и те же люди бывали в разных домах, разнося и пересказывая услышанное.

Тогда и появился слух об участии Фика в составлении проекта ограничения самодержавия. В марте 1730 г., когда Анна Иоанновна уже вернула себе всю полноту власти, Фик отправился в Москву, но очень быстро возвратился в Петербург, поскольку ему было отказано в аудиенции и предписано уехать. Это убеждало современников в том, что он неугоден императрице, будто бы прознавшей о его замыслах. По свидетельству Фитингофа, Фик рассуждал об изменении формы правления «pro et contra», а однажды вечером за столом выразил уверенность в том, что и при новых порядках не пропадёт, так как имеет покровителей. К их числу он относил членов Верховного тайного совета кн. Д.М. Голицына, гр. Г.И. Головкина и барона А.И. Остермана⁵⁴. Гагемейстер слышал, как Фик в своём доме за чаем одобрительно отзывался о действиях верховников, ссылаясь на опыт Англии

⁵⁰ Там же, л. 162–163; 168–169 об., 8 января 1732 г. его лично допросили в присутствии Миниха (Там же, л. 257).

⁵¹ Там же, л. 58, 74, 67.

⁵² Там же, л. 125 об.

⁵³ Там же, л. 105.

⁵⁴ Там же, л. 76–78 об.

и Швеции, доказывающий, что и таким образом можно править народами⁵⁵. Рихтер смутно припоминал, что Фик говорил об отмене самодержавия и намерении Верховного тайного совета организовать управление по шведскому образцу, но, посещая дом в качестве жениха, капитан был более занят общением с дамами⁵⁶. Кормейдону сообщали, что в других местах Фик хвалился своей перепиской с кн. Д.М. Голицыным⁵⁷.

Вольф утверждал, что впервые услышал о «перемене формы правления и ограничении самодержавия» именно от Фика перед совместным заседанием Юстиции и Коммерц-коллегии. «Сначала на заседание пришёл Вольф, — говорилось в его показаниях, — а сразу за ним — вице-президент Фик, другие члены коллегий ещё не собрались и вице-президент Фик начал сразу же рассказывать, что её тогдашнее высочество герцогиня Курляндская выбрана императрицей и займёт место Петра II, при этом правление [её] будет ограничено, а Вольф ему ответил, что в этом государстве подобное совершенно не практично, а вице-президент Фик вынул бумагу из кармана и дал Вольфу в руки, чтобы тот её прочитал; бумага была написана очень бегло и неразборчиво, и Вольф не мог прочесть её без очков, которых не имел при себе, но заметил лишь, что бумага была написана почерком самого вице-президента Фика, очень бегло и по-черновому, текст в некоторых местах был зачёркнут. Вольф отдал бумагу обратно вице-президенту Фику, он поднял её на свет и прочитал. Насколько Вольф помнил, содержание её заключалось в следующем, что 1) её императорское величество без согласия и одобрения Верховного тайного совета не может вступать в брак; 2) не может распоряжаться государственными деньгами; 3) не должна раздавать чины; 4) не должна жаловать земли; 5) не должна ни у кого отнимать жизнь, честь и имения; всего было 6 или 8 пунктов. Но Вольф больше не помнил других пунктов. Вольф сказал на это, что такое [положение дел] никогда не установится. Затем вице-президент Фик замолчал и пришли прочие члены комиссии. Затем, после того, как генерал граф фон Миних велел собраться у генерал-майора Гохмута для обсуждения порядка принесения присяги (это была первая форма присяги, присланная из Верховного тайного совета), к Вольфу домой пришёл вице-президент Фик, хотя они мало общались, и как только уселся, сразу начал говорить: “Ну, теперь-то пункты накрепко стоят, её императорское величество подписала их в Курляндии”; а Вольф ответил на это вице-президенту Фику, что скорее уж солнце свалится с неба, чем эти пункты устоят; на что вице-президент Фик с жаром ответил: “Они должны устоять, они же подписаны в Курляндии!”; а Вольф ему ответил: “Курляндия — не Москва”; больше Вольф не хотел говорить на эту тему, оделся и отправился к генерал-майору Гохмуту, как велел генерал граф Миних»⁵⁸. Более того, по словам Вольфа, Фик «беззастенчиво хвалился» тем, что состоял в переписке с кн. Д.М. Голицыным и засиживался у него в гостях в Москве до ночи⁵⁹.

Со своей стороны, в Москве Фик собственноручно составил для Анны Иоанновны 4 марта, через три дня после ареста, первый мемориал, в котором благодарил императрицу за разрешение писать ей на немецком языке и пытался оправдаться. «Мне вменяется в вину, — писал он, — что в то время, когда в Петербурге возмнили республику, я будто бы хвалился перед разными людьми, что некогда предоставил князю Дмитрию Михайловичу Голицыну проекты или сведения для

⁵⁵ Там же, л. 112.

⁵⁶ Там же, л. 171 об.—172.

⁵⁷ Там же, л. 69 об.

⁵⁸ Там же, л. 125 об.—128 об.

⁵⁹ Там же, л. 130—130 об.

её введения»⁶⁰. Причиной распространения подобных слухов послужили будто бы рассказы Фика о том, как они обсуждали книгу Адама Олеария. При этом вице-президент «спросил князя, не потребовали ли себе бояре привилегий после пресечения старого царского рода, изгнания Лжедмитрия и при избрании нового царя»⁶¹. Когда же в Петербурге узнали о смерти Петра II и задуманном изменении формы правления, Фик говорил в обществе: «Кажется, князь Дмитрий Михайлович при таком случае вспомнил старые времена и наш разговор, который мы вели как-то несколько лет назад о привилегиях дворянства». «Может быть, — признавал он в марте 1731 г., — что я из хвастовства и человеческой слабости хотел, чтобы некоторые люди подумали, будто я некогда через свои разговоры или советы заложил основу для такого предприятия князя Дмитрия Михайловича». «Стоит учитывать, — отмечал Фик, — что князю Дмитрию Михайловичу никогда не требовалось брать у меня какие-либо сведения, поскольку он сам достаточно осведомлён о нынешнем устройстве Европы»⁶². Фик утверждал, что его связи с Голицыными не имели отношения к политике. Так, он состоял в переписке с кн. С.Д. Голицыным, когда тот являлся посланником в Берлине, получал и оплачивал посылки, направляемые тем в Петербург для разных лиц, хлопотал о закупке для княжеской семьи провизии в Петербурге и отправке её в Москву⁶³. Теперь же Фику оставалось только, «с женой и детьми припадая к стопам» Анны Иоанновны, просить у неё прощения за свои «без всяких деяний и эффекта произведённые разговоры» и уверять, что был очень рад восстановлению самодержавия и молился с семьёй за здоровье императрицы.

Неизвестно, сохранились ли вообще материалы допросов Фика в Москве, однако в мемориале несколько раз упоминаются «вчерашний вопрос» или «вчерашнее представление». Уже тогда главным обвинителем выступал Миних. Отбиваясь от него, Фик писал: «На вчерашнее представление его светлости графа ф[он] Миниха, будто бы я в его доме говорил, что отдал бы 1 000 червонцев, лишь бы быть во время кончины императора Петра II в Москве, отвечу, что хоть я лишь отчасти припоминаю эту болтовню, я её охотно признаю. Здесь их светлость обращаются к следующему разговору: на известие, будто бы некоторые господа проехали Новгород и отправились в Ригу, я заметил, не в Германию ли они едут, на что его светлость мне ответил, что тот же путь ведёт в Митаву, а я обрадовался и сказал, дай Бог, и избави Господи Россию от Бассевича и ему подобных. Князь Дмитрий Михайлович и другие сановные министры могут рассказать, какие причины я имею ненавидеть таких людей [как Бассевич]»⁶⁴. Видимо, вице-президент ещё надеялся на своих покровителей и решительно отвергал наветы: «На вчерашнее представление, что я также рассказывал его светлости графу фон Миниху, будто бы князь Дмитрий Михайлович ездил к его светлости графу фон Остерману, чтобы скрепить печатью свои бумаги, отвечу я, как и вчера, что я, как бы я ни старался, не могу вспомнить, что я когда-либо слышал подобные истории. Может быть, его светлость слышал это от кого-то другого или ему эта история приснилась»⁶⁵.

⁶⁰ Там же, л. 191.

⁶¹ Там же, л. 192.

⁶² Там же, л. 193—193 об.

⁶³ Там же, л. 195 об.

⁶⁴ Там же, л. 196. Фик имел основания опасаться возведения на престол Анны Петровны и герцога Голштинского Карла Фридриха. Об отношении Фика с голштинцами см.: *Прокопенко Я.И.* Генрих Фик и процесс интернационализации... С. 168—170; *Ларина Я.И.* «Превратность счастья вельмож»... С. 99.

⁶⁵ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. I, л. 196—196 об.

Так или иначе, в начале 1730 г. Фик и Миних не просто были хорошо знакомы, встречались на праздниках, наносили друг другу визиты, участвовали в жизни лютеранской общины Петербурга, но и обсуждали ситуацию междуцарствия и действия «верховников».

Подаявая первый мемориал, Фик, похоже, рассчитывал на скорое освобождение, тогда как второй, написанный 24 октября, через семь месяцев после ареста, рассматривался им едва ли не как последняя надежда. Он старался привести все возможные свидетельства своей невиновности и лояльности, верной многолетней службы, предвзятости Миниха и т.п. Какое-либо отношение к разработке «кондиций» он по-прежнему отрицал, но допускал, что мог их открыто поддерживать: «Если бы я, поддавшись порыву, или же с умыслом одобрил ограничительные пункты, когда они стали всем известны, то это был бы скорее глупый, а не наказуемый поступок, ведь трудно осудить пункты, которые составили такие знатные господа и которые Ваше императорское величество изволили сами утвердить»⁶⁶. Однако подобные напоминания могли лишь раздражать императрицу, стремившуюся стереть память об обстоятельствах своего воцарения. Фик же продолжал утверждать, что узнал содержание «пунктов» из иностранных газет.

Во втором мемориале Фик вспоминал, как 1 марта 1730 г. праздновал помолвку своей дочери. Среди гостей был и Миних, который, получив во время праздника почту, объявил о принятии Анной Иоанновной самодержавия. Фик тогда «сердечно тому радовался и полагал это проявлением милости Божьей к России»⁶⁷. Последовавший затем донос Миниха о его «неподобающих речах» Фик объяснял столкновениями с ним в личных и семейных делах. Сами эти конфликты, как ему казалось, должны были свидетельствовать в его пользу: «Здравый смысл говорит, если бы я знал, что его светлость граф фон Миних сделает такой фатальный вывод из моих невинных речей, то после принятия самодержавия я бы попросил его светлость, а моя жена — жену его светлости, держать мои высказывания в тайне. Напротив, его светлости известно, что я затем сделал некоторые вещи вопреки его светлости»⁶⁸. Вместе с тем Фик всячески демонстрировал теперь своё смирение и желал свести дело к душеспасительному недоразумению. «Я не могу убедить себя, что его светлость граф ф[он] Миних имел умысел избавиться от меня и моих родственников, поскольку мне известны благородство и порядочность его светлости, всё произошло из-за недопонимания и по воле Провидения, чтобы избавить меня и моих близких от многого тщеславия». Прося о помиловании, он мягко напоминал об условиях своего патента: «Я не хочу упоминать, как Господь защищает права иноземцев и что мне была обещана его императорским величеством защита и милость в моей капитуляции, а лишь полагаюсь на милость и справедливость Вашего императорского величества»⁶⁹.

18 декабря Анна Иоанновна велела Миниху объявить Юстиц-коллегии департаменту эстляндских и лифляндских дел в Санкт-Петербурге, что «бывший вице-президент Фик некоторое время назад был арестован в Москве за преступление против ея императорского величества священной персоны и государства», а потому необходимо расследовать его дело, разместив подсудимого

⁶⁶ Там же, л. 202 об.

⁶⁷ Там же, л. 203. 2 марта 1730 г. в Санкт-Петербургских ведомостях сообщалось о состоявшемся 25 февраля в Москве «восприятии» Анной Иоанновной самодержавия (Курукин И.В. Анна Иоанновна. С. 72).

⁶⁸ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. 1, л. 204 об.—205.

⁶⁹ Там же, л. 209—209 об.

на особой квартире под крепким караулом и не позволяя ему с кем-либо переписываться или разговаривать без веденя коллегии. 29 декабря Миних официально сообщил о данном ему устном указе, и уже на следующий день Юстиц-коллегия эстляндских и ливонских дел обсудила его письмо и сформировала судебную комиссию, в состав которой вошли вице-президент Герман Карл фон Кейзерлинг, ассессор Эрнст Готлиб Глюк и профессор права Иоганн Симон Бекенштейн⁷⁰. Зять Фика ассессор коллегии Э. фон Фитингоф от участия в рассмотрении данного дела отстранялся, а секретаря И. Гагемейстера, ранее дававшего свидетельские показания, ограничились ведением протоколов заседаний и допросов, дабы не привлекать к секретному делу других чиновников⁷¹.

Поскольку, согласно указу, следствие требовалось закончить до приезда Анны Иоанновны в Петербург, ожидавшегося в середине января, с 30 декабря по 14 января комиссия собиралась каждый день. Для ускорения работы ей пришлось отказаться от очных ставок и ограничиться материалами предварительного следствия, а также допросами Фика, которого 31 декабря под конвоем доставили в Санкт-Петербург (при необходимости его приводили в комиссию из «квартиры», где он содержался под стражей), и его слуг. До 3 января комиссия изучала собранные Минихом документы и занималась перепиской о выделении денег на питание Фика, двух его слуг и охраны, на дрова, свечи и проч. При этом на допросе арестант жаловался на слабость и суровое содержание: у него отняли привезённые им с собой ножи и вилки, отделили от него лакеев, не пускали к нему цирюльника, из-за чего он не мог ни привести в порядок бороду, ни почистить одежду. Фик просил смягчить условия ареста и предоставить ему возможность присылать письменные объяснения, но просьбы его были отклонены⁷².

Первые допросы Фика состоялись 4 и 5 января, ему было предъявлено сперва 16, а затем 37 обвинений. Отвечая на них, Фик упорно отрицал свою причастность к составлению каких-либо проектов ограничения власти императрицы, хотя и признавал, что из слабости, «как дурак», говорил лишнее, раскаивался в неуместных словах и просил прощения. Он по-прежнему утверждал, что узнал о кончине Петра II от купца, приехавшего из Москвы, а об отправке депутатов в Москву — от Миниха, содержание «пунктов» выписал из французских газет за 8–10 дней до восстановления самодержавия, обсуждение же политической ситуации и новой формы правления не казалось ему предосудительным, поскольку оно происходило уже повсеместно, весть о «кондициях», составленных высшими сановниками и одобренных императрицей, «разгласилась» во всех слоях общества,

⁷⁰ Там же, л. 214. Кейзерлинг служил при дворе Анны Иоанновны ещё в Митаве (считается, что именно он в 1718 г. познакомил вдовствующую императрицу с Э.И. Бироном). Бекенштейн являлся наставником Кейзерлинга в Кёнигсбергском университете. В протоколе зафиксирована просьба Бекенштейна избавить его от участия в следствии, поскольку он, будучи иностранцем, уже отслужил полагавшийся по капитуляции срок и к тому же не принадлежал к Юстиц-коллегии, а состоял членом Академии наук. Э.Г. Глюк был сыном Х. Глюка, с 1718 г. служившего с Фиком в Камер-коллегии и дававшего показания Миниху. Э.Г. Глюк, как и Г.К. Кейзерлинг и И. Гагемейстер, и до, и после ссылки Фика служили с его зятем в одной коллегии (Там же, л. 215; *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 197–202, 498–502; *Курукин И.В.* Анна Иоанновна. С. 33; Сборник Императорского русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 108. Юрьев, 1900. С. 171).

⁷¹ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. 1, л. 214–215 об.

⁷² Там же, л. 224–224 об.

и в присланном из Верховного тайного совета тексте присяги отсутствовал титул «самодержца»⁷³.

Тем самым Фик так и не сказал, когда и от кого получил «пункты». Более того, его ответы противоречили показаниям свидетелей и явно не удовлетворяли судебную комиссию. 6 января был допрошен советник Коммерц-коллегии А. Кассис, а 8 января – двое слуг Фика, содержащихся вместе с ним под арестом. Слуга-немец М. Потапский, уроженец Пруссии, приехал в Россию с профессором Г.-З. Байером, служил у академика Д. Бернулли, а затем – копиистом в Академии наук, однако был «сокращён» наряду с другими «излишними» служителями, и в конце концов поступил на службу к Фику, который взял его в камердинеры, но обещал подыскать должность при таможне. Потапский не знал, почему арестовали Фика, и не слышал, чтобы он говорил что-либо о смерти Петра II и вступлении на престол Анны Иоанновны. О самой императрице Фик говорил другим (сказав это, Потапский указал на присутствовавшего секретаря коллегии Гагемейстера) только хорошее. Комиссию интересовал круг общения Фика: кому он чаще всего наносил визиты во время своего последнего приезда в Москву и что там делал, включая день ареста, не бывал ли в гостях ночью, особо спрашивали о том, как часто Фик бывал у кн. Д.М. Голицына⁷⁴. Кирила Иванов сын Богданов состоял у Фика лакеем с 4 марта 1729 г. (до этого находился в услужении у доктора Бидлоо и переводчика Коллегии иностранных дел Келлермана). О причине ареста хозяина ему ничего не было известно, по крайней мере по-русски Фик ни разу не упоминал при нём о переменах на престоле, а по-немецки Богданов не знал ни слова⁷⁵.

10 января Фика вызвали на заседание комиссии и зачитали имена свидетелей, давших под присягой показания в ходе предварительного расследования. Обвиняемому предложили высказать своё мнение об этих людях, чтобы комиссия могла оценить степень их пристрастности в данном деле. Каких-либо оснований не доверять Сиверсу, Госслеру, Фитингофу и Шлиппенбаху у Фика не было, с другими же его личные и служебные отношения складывались гораздо сложнее. Так, жёны Фика и Гохмута не поделили место в церкви, спровоцировав конфликт между мужьями. Вольфа, желавшего начать службу в России с должности советника коллегии, Фик в своё время упорно рекомендовал лишь на место ассессора, вызвав его враждебность. Впоследствии Вольф «отхватил» 15 гаков от имени Фика. Рихтер и Каркеттель собирались жениться на его дочерях, но впоследствии отказались от своих намерений. С сослуживцами Фик также не ладил: секретарю Л. Малыгину, начавшему службу ещё в 1699 г., он указывал на его «неспособность в ведении дел», барону А.И. Остерману и П.И. Ягужинскому Фик докладывал о многочисленных беспорядках в Коммерц-коллегии, злоупотреблениях Кассиса и пьянстве Рудаковского, о чём им стало известно⁷⁶. Сопоставление показаний свидетелей и характеристик, данных им Фиком, позволяет увидеть жизнь чиновничества, которая не прослеживается по другим источникам в силу малочисленности частных писем, дневников и воспоминаний.

11 января состоялся новый допрос: «Были зачитаны показания обвиняемого Фика от 4 и 5 января и при этом тщательно обдуманно, что надлежит предпринять для обнаружения истины в этом деле, которое вскоре должно быть завершено?

⁷³ Там же, л. 225–226, 230–243 об.

⁷⁴ Там же, л. 250 об.

⁷⁵ Там же, л. 253–253 об.

⁷⁶ Там же, л. 263 об., 268 об.

Очные ставки свидетелей произвести не представляется возможным, поскольку некоторые допрошенные графом Минихом свидетели отсутствуют в Петербурге, а также потому, что это займёт много времени, а дело требуется завершить как можно скорее. Решено предъявить Фикку обвинительные показания свидетелей, не называя их имён. Эти показания сформулировать в виде пунктов и под угрозой пытки принудить обвиняемого показать чистую правду, а именно: откуда он впервые получил пункты? Обвиняемый заявлял, что получил первое известие о пунктах то из газет, то от советника Кассиса. Коллегия тем более вынуждена пригрозить пыткой, что ни в прусских, ни в гамбургских, ни во французских или петербургских газетах за январь и февраль 1730 года нет ни малейшего известия о пунктах»⁷⁷. Следователи и судьи расценивали в то время противоречия в показаниях ответчика как доказательство его виновности и попытку ввести их в заблуждение. Положение обвиняемого ещё более усугублялось, если он отрицал многочисленные свидетельства против него, «запирался» и настаивал на своём⁷⁸.

Когда Фик был доставлен в комиссию, ему напомнили, что в своих показаниях он по-разному говорил о том, откуда впервые узнал о «пунктах», и потребовали прекратить изворачиваться и скрывать правду, затрудняя работу судей и ухудшая собственное положение. Память часто подводила Фика, что раздражало Кейзерлинга. Комиссия выяснила, что черновой список «пунктов» Фик показывал Вольфу 17 февраля 1730 г., однако о последующем разговоре про их подписание в Курляндии он начисто «забыл». Отказавшись от прежних показаний, согласно которым «пункты» были им выписаны из газет, обвиняемый предполагал теперь, что узнал о них от советника Кассиса, имевшего в Москве множество корреспондентов. При этом Фик по-прежнему категорически отрицал утверждения, будто ему было известно о «кондициях» ещё в январе 1730 г., а их содержание обсуждалось в его переписке с кн. Д.М. Голицыным. Свои отношения с князем он сводил исключительно к покровительству в домашних и служебных делах⁷⁹.

12 января комиссия вынесла приговор, утверждённый затем императрицей. По её именному указу Фик был лишён чинов и недвижимого имущества и навечно сослан в Сибирь⁸⁰. Отправкой его в ссылку и перепиской о выделении ему денег на «прокорм», об освобождении слуг и т.д. занималась всё та же судебная комиссия, продолжавшая заседать до конца месяца⁸¹. Тогда же остзейские имения Фика были взяты в казну и затем розданы «на аренду», а его семью выслали из Петербурга в Лифляндию, в оставленную ей «на пропитание» небольшую мызу⁸². Освобождённый от ссылки Анной Леопольдовной, Фик приехал в феврале 1743 г. в Петербург и начал ходатайствовать о восстановлении в чине и возвращении имений, а также изъятых при аресте документов и книг⁸³. Елизавета Петровна повелела удовлетворить его просьбу. Возникшее в результате дело, включавшее справки и копии сенатских докладов о пожаловании и отчуждении владений Фика, их размерах и т.п., впоследствии было объединено с материалами следствия 1731–1732 гг.

⁷⁷ Там же, л. 271–271 об.

⁷⁸ Анисимов Е.В. Русский застеноч. Тайны Тайной канцелярии. М.; СПб., 2010. С. 150–151.

⁷⁹ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. I, л. 273 об.–284 об.

⁸⁰ Там же, л. 295 об.–298 об.; Сборник ИРИО. Т. 104. Юрьев, 1898. С. 144.

⁸¹ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. I, л. 311 об.–315.

⁸² Каменный дом Фика на Васильевском острове Анна Иоанновна пожаловала Кейзерлингу, возглавлявшему судебную комиссию. Подробнее см.: Ларина Я.И. Двор на набережной... С. 109.

⁸³ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 171, ч. II, л. 209–251 об.

Безусловно, эти документы нуждаются в дальнейшем изучении. Помимо прочего, они свидетельствуют об отсутствии сколько-нибудь достоверных сведений, доказывающих причастность вице-президента Коммерц-коллегии к разработке «кондиций». Не играл он, по-видимому, и роли «консультанта» кн. Д.М. Голицына. Однако в 1730 г. статский советник, с 1729 г. имевший, согласно патенту, подписанному ранее Петром I, право жить, не служа, в своём лифляндском имении и получивший к тому времени все привилегии остзейского дворянства, держался слишком самоуверенно и даже вызывающе. Не позднее 15—17 февраля он уже знал не только о приглашении верховниками на престол Анны Иоанновны и отправке делегации в Митаву, но и о содержании подписанных там «кондиций». Рассчитывая на дальнейшее усиление своих покровителей, давний клиент и сотрудник кн. Голицына, гр. Головкина и барона Остермана, не стесняясь, демонстрировал свою осведомлённость и близость к вершителям судеб страны. Это, естественно, раздражало его сослуживцев и недоброжелателей, которые охотно распускали про него слухи, вскоре оказавшиеся компрометирующими. Поссорившемуся с Фиком Миниху оставалось только воспользоваться ими.